

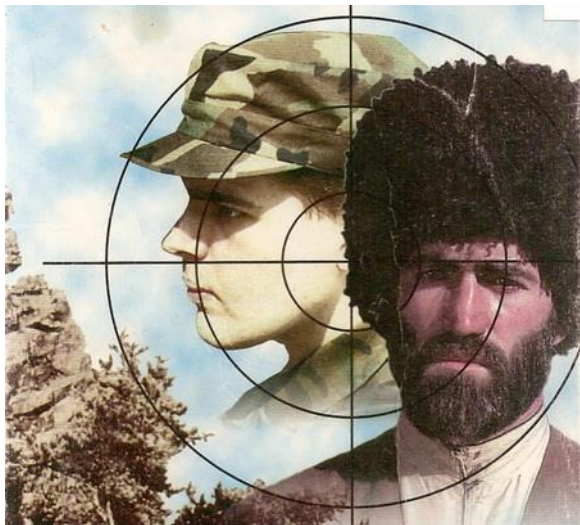
БОЕВАЯ
РАБОТА

Чужой

СЕРГЕЙ ГЕРМАН

Повесть «Чужой» повествует о молодом российском солдате, попавшем в чеченский плен. Живя и работая в семье своих злейших врагов, чеченцев, он видит их с иной стороны, с изнанки. Они умеют радоваться своей тяжелой жизни, умеют прощать и быть щедрыми. В этой войне они просто защищают свой дом, свои традиции, свой быт. Русские солдаты и офицеры, напротив, показаны с темной стороны. На своей собственной судьбе Женька Найдёнов видит наплевательское отношение российского командования к собственным солдатам. Приходит понимание того, что это никому ненужная война. Чужие становятся ближе, свои — чужими.

Сергей Герман Чужой Повесть

Ближе к полуночи жизнь в трёхэтажном кирпичном здании бывшего сельсовета затихла. Военный комендант Северной зоны безопасности генерал-майор Кузнецов, кряхтя и шаркая сапогами, спустился по лестнице; хлопнув дверь, вышел во двор. От дощатого туалета, покрашенного известкой и до самого крыльца разлилась огромная лужа. Зимний рогатый месяц, окруженный

холодными звёздами, криво ухмыльнулся в воде у генеральских сапог. Негромко выматерившись, генерал справил малую нужду прямо на жёлтые рожки полумесяца. У Кузнецова был застарелый простатит, и он долго стоял перед лужей в дурацкой позе с расстёгнутой ширинкой.

В слуховом окне, примыкающего к комендатуре здания, мелькнуло раскрашенное камуфляжной краской лицо. Сидящий в «секрете» снайпер, замерзнув, решил чуть подвигаться. Увидев генерала, раскорячившегося над лужей, прыснул в кулак и спрятался в темноту.

Кряхтя и морщась, Кузнецов застегнул штаны и потащился в натопленное тепло кабинета, где у него стоял диван. Сидящий у двери омоновец, привстал, но генерал, не обращая на него внимания и что-то бормоча под нос, пошёл к себе. Из цокольного этажа, где располагались спальные помещения солдат срочной службы, контрактников и взвода омоновцев слышалась приглушенная музыка. Вчера вечером разведчики притащили милиционерам на обмен старинный кинжал. «Ченч» перешёл в товарищеский ужин, который вполне мог перерасти в плавный товарищеский завтрак. Когда было выпито всё вино, в ход пошли заначки, спиртовой «НЗ».

Предмет торжества, воткнутый в центр стола, молча внимал разговору рыжего рослого омоновца

и сержанта — контрактника. Разлили в кружки остатки спирта. Омоновцу понадобилось выйти на воздух. Покачиваясь и задевая широкими плечами стены, он пошёл на улицу.

Контрактник повертел в руках старинный клинок, потом сосредоточено хмурясь, нарезал им сало. Из старого, перевязанного чёрной изолентой магнитофона слышался голос Марины Хлебниковой *«...Мой генерал, ты прошагал тысячи верст...Мой генерал... Просто солдат, просто устал».*

Возвращающийся омоновец заметил под лестницей спящего караульного.

По распоряжению коменданта на первом этаже выставлялся милицейский пост. В подвале, где были жилые помещения несли службу армейцы.

Мальчишка-срочник, в грязном бушлате, спал, свернувшись в клубок в старом ободранном кресле. Его автомат, с пристёгнутым магазином, стоял рядом на бетонном полу. Омоновец на цыпочках подкрался к спящему солдату, постоял рядом, соображая, как поступить, заорать «Подъём!» или просто дать салаге в ухо, за то, что утерев бдительность, тем самым подверг смертельной опасности своих боевых товарищей.

Придумав, омоновец отстегнул от автомата магазин и вернулся в кубрик. Контрактник уже спал, уронив голову на стол. Омоновец допил

спирт, потом толкнул сержанта в плечо, сунул ему автоматный рожок.

— На! Отдашь утром ротному. Салага на посту заснул, пусть накажет, как следует, чтобы другим неповадно было, а то нас, как баранов, скоро резать будут.

Обтерев кинжал тряпкой, он несколько мгновений любовался блеском стали, потом сунул его в инкрустированные серебром ножны и побрёл в соседний кубрик. До подъёма оставалось полчаса.

Женьке Найденову снилось море, которого он никогда не видел. В их посёлке из водоёмов был только котлован, из которого раньше брали глину на кирпичи. Котлован заполнялся дождевой водой и был местом, где собиралась на отдых местная шпана. Тут пили вино, играли в карты, купались и загорали.

Женьке снилось, что он идет по горячему жёлтому песку, и набегающие волны мягко ударяются о его ноги. Вдали показался белый пароход, он шёл прямо на Женьку, разрезая носом морскую волну. На палубе стоял капитан и махал кулаком, раскрывая в крике рот. Женька прислушался: «...твою мать, тра-та-та-та-та...салага», — кричал капитан голосом сержанта Зыкова.

Женька испуганно вскочил, над ним зелёной пятнистой глыбой нависал командиротделения:

— Ты что, щегол, заснул? Полчаса уже тебя ищем, думали, что «чехи» утащили.

— Да я только на минутку глаза закрыл! Подъём ведь уже был, никаких «чехов». Сержант в ответ замахнулся кулаком, хотел ударить, но передумал:

— Ладно, салага, прощаю. Иди на завтрак, в наказание поедешь за дровами.

— Товарищ сержант, я же не спал, — промямлил солдат.

— После победы отоспишься, а сейчас война. Ты наказан за сон на посту. Можешь настучать на меня ротному. Но учти, что он не такой добрый как я, мигом отправит тебя в зиндан.

Сержант добавил ещё несколько слов по поводу майора Муратова и его ямы, которую он приготовил для пленных боевиков и недисциплинированных подчиненных.

Найденов не пошёл на завтрак. Скинув сапоги, он прямо в бушлате завалился на топчан. Ему показалось, что он только сомкнул глаза, как опять раздался хриплый голос Зыкова:

— Где опять этот салабон?

Всё ещё находясь в полудрёме, Женька нашарил в темноте шапку, ухватил за ствол автомат и пулей выскочил во двор. Несколько солдат по приказу ротного ссыпали с бортового «Урала» щебень в разлившуюся лужу. Старшина роты

прапорщик Морозов, едва остыв от утреннего разноса генерала, воровато оглянулся по сторонам и, спрятавшись за дверцу кабины, торопливо опрокинул в себя полстакана водки. Едва он успел сунуть в рот сигарету, как появился со своей свитой Кузнецов. Прапорщик поперхнулся, вращая белками глаз, заорал:

— Сержант Зыков, мать твою за ногу. Где люди с инструментом?

В это время показался сержант и четверо солдат. Зыков хмуро буркнул:

— Здесь я, чего орешь?

В кузов тентованого «Урала» кинули топоры и пилы, забрались сами. Зыков приказал пристегнуть магазины, зарядить оружие. Сержант сел с краю борта, выставил наружу ствол автомата. Прапорщик сел в кабину с водителем. Женька только сейчас заметил отсутствие магазина, похолодев, пошарил в карманах бушлата, ещё не веря себе, стал ощупывать пол, надеясь на то, что магазин выпал из кармана и лежит где-то рядом. Решил схитрить, если сказать сержанту, что потерял магазин с патронами, он вернёт машину и тогда точно не избежать ямы. Найдёнов пристегнул запасной пустой рожок и прижался спиной к борту машины.

Зыков курил, подняв воротник бушлата и выпуская в морозный воздух сигаретный дым. На

душе было нехорошо, до дембеля оставалось ещё три месяца, два месяца в Чечне прошли более или менее спокойно, но было ощущение чего-то тревожного. Если бы у сержанта было больше боевого опыта, он бы понял, что это — предчувствие беды. Судьба предупреждает, что человека ждет катастрофа. Корова и лошадь тоже плачут, предчувствуя скорую смерть от ножа.

Зыков этого не знал, поэтому подумал, что виноваты расшалившиеся нервы. Потом его мысли переключились на другое: что было бы неплохо, вдуть учительнице-чеченке, которая сегодня утром приходила к военному коменданту просить, чтобы он выделил ей каких-нибудь строительных материалов для ремонта школы, а еще, надо поскорее сплавить ящик гранат, которые он приготовил для Умара. Старый чеченец где-то нашёл зарыбленный пруд и глушил там рыбу. Как он говорил «особенности чеченской национальной рыбалки».

На войне все приторговывают, без этого нельзя. Только вот генерал Кузнецов вывозит из Чечни цистерны с бензином, а старшина роты продаёт солдатские консервы и крупы. Соответственно и живут — генерал пьёт коньяк и закусывает икрой, а прапорщик жрёт водку и занюхивает её солёным огурцом.

Хлопая бортами, тягач выбрался из села.

Мощно ревя мотором, покатил в сторону леса. После того, как там скинули несколько бомб, в лесу было много поваленных сухих деревьев. Акация и карагач хорошо горели, поэтому последний месяц ездили для заготовки дров именно туда. На дороге показался старый потрепанный «Жигуленок». Он неторопливо двигался навстречу. Прапорщик приложил ко лбу ладонь, закрывая глаза от солнца и пытаясь рассмотреть, кто сидит в машине. Поравнявшись с военными, «Жигуленок» приветственно бибикнул и, набирая скорость, рванул в сторону села.

— Кто это? — тревожно спросил прапорщик.

— Да хрен его знает, машина вроде бы участкового местного, — бросил водитель, не отрывая глаз от дороги. Из кузова застучали по крыше кабины. Зыков выпрыгнул из кузова и подошел к дверце:

— Слышь, старшина, в «Жигулях» три «чеха» с автоматами, может, догоним?

Прапорщик почесал голову:

— Да это же менты местные, ещё нарвемся на международный скандал, опоздаем. Генерал опять стругать будет, поехали.

Сержант пожал плечами, молча забрался в кузов. Прапорщику Морозову оставалось полгода до окончания контракта и пенсии, осложнений ему не хотелось.

В лесу было хорошо. Цвенькала какая-то птаха. Из-под подтаявшего снега, выглядывали сохранившиеся с осени зелёные листочки. Солдаты, скинув бушлаты, взялись за топоры и пилы. Даже старшина, раздухарившись на свежем пьянящем воздухе, схватил топор и по-крестьянски хекая, умело рубил сучья. Увидев скукоженного, невыспавшегося Найденова, сержант поставил его в охранение. Женька клацнул предохранителем, моля Бога, чтобы сержант ничего не заподозрил. Вроде обошлось.

Разгоряченный Зыков сбросил нательную рубашку и на пару со старшиной пилил кривой ствол акации. На его спине бугрились тугие мышцы, было видно, что крестьянский физический труд доставляет ему удовольствие.

Женька сидел в отдалении, краем глаза наблюдая за дорогой и покусывая пожухлую травинку. Слабый ветерок трепал чудом уцелевшие листья деревьев. Подошёл распаренный, улыбающийся Зыков, вытирая вспотевшее лицо носовым платком и одевая бушлат, сказал:

— Уважаю мужскую работу, чувствуешь себя мужиком, а не размазнёй. Настоящий мужчина должен или ломать, или строить, отбирать, или защищать. Давай к машине, помогай грузить, а то заснёшь на боевом посту.

Сержант поставив автомат к дереву,

повернулся к лесу. Уже подходя к машине, Женька услышал его окрик:

— Эй! А ну стоять!..

Обернувшись назад, он увидел, как сержант яростно нажимает на спусковой крючок автомата, раз за разом передёргивая затвор. Лесную тишину разорвали автоматные очереди. Как в замедленной съёмке, Женька видел, как пули вырывают клочки ваты из бушлата на спине Зыкова. Вздогнув, он бросился к машине и, запнувшись о торчащий из земли корень, упал на землю, успев заметить, как огненные струи сбивают с ног солдат, рвут их тела, заставляя корчиться от смертельной боли.

Когда он открыл глаза, первая мысль была, что он находится в могиле. Кругом была темнота, скрюченные ноги затекли. Руки были связаны за спиной, воняло бензином, и к горлу подступала тошнота. Женька хотел закричать, но из горла вырвался лишь сдавленный стон. Рот был заклеен липкой лентой. Он прикрыл глаза и начал молиться. Женька никогда не был в церкви, молиться не умел, но видел в раннем детстве, как бабушка Галя повязывала платок и ставила свечку перед иконкой Божьей матери.

В пропахшем нафталином комодe у неё постоянно хранился запас жёлтых, с мизинец толщиной, свечечек. Бабушка отрешалась от всего происходящего, медленно и вдумчиво накладывала

сложенные в щепоть пальцы на лоб, живот, плечи, шептала:

«К Тебе Пречистой Божьей матери, припадаю и молюсь, если Царица беспрестанно согрешаю и прогневолю Сына твоего и Бога моего... каюсь трепеща, неужель Господь поразит меня ... Владычица моя Богородица, помилуй и укрепи».

Бабушка Галя истово била поклоны, пламя свечи отражалось в её зрачках. Маленький Женька в такие минуты старался не шуметь, мама объясняла ему, что бабушка разговаривает с Богом, просит у него защиты. Иногда мальчик подсматривал в дверную щель: неровное пламя свечи оживляло женское лицо на потемневшей иконе, казалось, что Богородица слушает бабушку, внемлет её молитвам и обещает взглядом: «Всё будет хорошо, всё будет хорошо».

Задыхаясь и захлёбываясь слезами, Женька застонал, замычал: «Пресвятая Богородица, Пречистая мать Божья, помилуй, спаси и сохрани».

Днище багажника под ним перестало дрожать, открылся капот, и в лицо ударил дневной свет. Мужчина в милицейской форме больно ткнул его стволом автомата в грудь:

— Ты чего воешь, биляд, страшно? Надо было дома сидеть, а ты детей приехал убиват. Если ещё будешь мычать, я тебе язык отрежу.

Человек с автоматом ещё раз ударил его в грудь и захлопнул багажник. Опять навалилась темнота, Женька молча заплакал, по его щекам текли слёзы. Машина ехала несколько часов, иногда по крыше машины хлестали ветки, раздавались царапающие звуки, и Женька догадывался, что его везут через лес. Двигатель натужно ревел, и он понимал, что машина движется в горы. Наконец, шум двигателя смолк, загредело железо ворот, машина проехала ещё несколько метров и встала. Раздалась незнакомая гортанная речь, мужской смех, опять открылся багажник. Незнакомый бородач сорвал с его губ ленту и, ухватив за воротник бушлата, как котёнка выдернул из багажника. Затёкшие и одеревеневшие ноги не держали, Женька опустился на колени, прямо в снежную кашу. Вокруг засмеялись:

— Что, воин, от страха ноги не держат?

Старик в мохнатой папахе и с палкой в руках подошёл к нему вплотную, заглянул в лицо. Заскорюзлыми жёлтыми пальцами приподнял веки, осмотрел зубы, осуждающе зацокал языком, что-то недовольно пробормотал. Другие мужчины вытаскивали из машины автоматы, Женька узнал свой, с оцарапанным прикладом, защемило сердце. Один из мужчин, услышав голос старика, что-то ответил и, подняв Женьку с земли, поволок его в какой-то сарай.

— Недоволен отец, говорит, какого-то дохлого русского притащили, мол, плохо работать будешь. Если станешь лениться, мы тебя собакам скормим, а на твоё место другого привезём. Так что смотри, продолжительность твоей жизни зависит только от тебя самого, — сказал он, запирая дверь на большой амбарный замок.

Сарай оказался обжитым, на полу у стены лежали несколько коз. Увидев Женьку, они пугливо вскочили со своего места, потом несколько раз испуганно мекнув, опять улеглись на своё место и принялись жевать свою жвачку.

Найденов осмотрел свою тюрьму. Каменные стены, окна- бойницы, через которые не смогла бы пролезть даже его голова, покрытый соломой пол. Почти всю ночь он просидел на корточках. Ближе к утру, когда усталость пересилила страх и тревогу, он задремал, прижавшись к тёплому козьему боку. Рано утром заскрипела дверь, незнакомый мужчина поманил его пальцем:

— Иди за мной, солдат.

По ступенькам поднялись в дом, прошли в комнату. В кресле сидел давешний старик, крутил в руках зелёные чётки. У его ног на пушистом ковре сидел мальчик лет шести, смотрел исподлобья. У дальней стены на диване расположились четверо бородатых мужчин в камуфляжной одежде.

— Рассказывай, кто такой? — потребовал

старик. — Не вздумай врать — это грех, Аллах накажет.

Запинаясь и давясь словами, Женька начал рассказывать, как призвали в армию, привезли в Будённовскую 205-ю бригаду, потом Моздок, Чечня. Как заснул с автоматом на посту, как пропал магазин с патронами, как попал в плен. Его слушали молча, старик крутил в руках чётки. Не выдержал самый молодой:

— В зачистках принимал участие? Стрелял в чеченцев?

Женька отрицательно покачал головой:

— Я всего лишь третью неделю в Чечне, ещё не стрелял, старики на боевые не брали. Я только работал, и в карауле стоял.

Мужчины загалдели, заговорили по-своему. Старик посмотрел на них тяжёлым взглядом, шум затих.

— Мать, отец есть? Сам откуда, из каких мест?

Поняв, что пока ему пока ничего не угрожает, Женька отвечал уже смелее:

— Жил в Сибири, мать медсестрой работает в больнице, отца нет.

Старик поцокал языком:

— Что делать умеешь? Кирпич кладешь, радио, телевизор ремонтировать можешь?

Женька отвечал:

— Могу делать всё по хозяйству, гвоздь забить, доску прибить. Я ведь в поселке рос, могу и корову подоить. Насчёт телевизора не знаю, а если в приемнике какая несложная поломка, проводок подпаять, вилку заменить — это смогу.

Старик прикрыл глаза.

— Меня зовут дедушка Ахмет, Хаджи Ахмет. Это мои сыновья, они все воюют, заниматься хозяйством нет времени. Ты будешь жить у нас, будешь работать, будешь получать еду. Сейчас тебе дадут переодеться, у меня есть ещё один работник, его зовут Андрей, он живёт у меня десять лет. Он тебе всё покажет и расскажет, будет давать тебе работу и еду. Сейчас сыновья ещё с тобой побеседуют, и запомни, отсюда у тебя есть только один выход. Нет, не на кладбище, там мы хороним мусульман, правоверных. Таких, как ты, мы сбрасываем в овраг. Там их сжирают звери.

Старик кончил говорить, махнул рукой. Мужчины встали. Поняв, что разговор окончен и ему тоже надо выходить, Женька направился к выходу.

Так получилось, что выйдя из дома, Женька оказался в окружении сыновей Ахмета. Его толкнули за угол дома. Падая, он напоролся лицом на чьё-то колено, почувствовал во рту солёный вкус крови. Потом чьи-то сильные руки подняли его. Пока Женька пытался удержать остатки сознания,

кто-то ударил его локтем в солнечное сплетение. Задыхаясь, он начал опускаться на колени, но упасть ему не дали. Сильные удары швыряли его в разные стороны. Женька испугался, что если он упадёт, то его забьют, затопчут до смерти. Сплёвывая кровь, он всё поднимался и поднимался на ноги, боясь потерять сознание. Наконец, старший бородач, коротко хекнув, подпрыгнул и ударил его каблуком в лицо. Женька, вскинул руки и опрокинулся навзничь. Свет померк в его глазах, и он уже не чувствовал, как чьи-то руки затащили его в летнюю кухню.

Когда он пришёл в себя, то увидел старика с пегой всклокоченной бородёнкой, который пил чай из большой фарфоровой кружки с отбитыми краями. Мужчины что-то сказали ему по-чеченски. Старик вскочил на ноги, помог уложить Женьку у стены. Потом принёс воду и, намочив полотенце, стал обтирать окровавленное лицо. Старший сказал:

— Переодень его. К вечеру как оклемается и пусть почистит загон для скота. Передай ему, как очухается, что это цветочки. Если кто-нибудь пожалуется на его поведение, или он вздумает убежать, я повешу его на собственных кишках.

Старик всплеснул руками:

— Шамиль, куда ему безать, ты посмотри сам, он еле живой, в цём душа держится.

Потоптавшись на месте, мужчины ушли, через

некоторое время пришёл младший Идрис, принёс пакет с одеждой. Женька к этому времени уже пришёл в себя, сидел на корточках, привалившись спиной к стене. Старик подал ему кружку с водой, руки солдата дрожали. Расплёскивая воду на пол, он напился. Идрис оскалил в улыбке белые зубы:

— Ну, что, ожил, солдат? Ничего, за одного битого — двух небитых дают. Оглянувшись по сторонам, протянул ему длинную папиросу.

— На! Вечером покуришь, это кайф, шайтан-трава. Только отцу не говори, старик у нас строгий, будет ругаться.

Охая, и всё время что-то бормоча, старик с бородой, его звали Андрей, помог Женьке снять одежду и переодеться. Военный камуфляж, сапоги, ремень свернул в кучу и куда-то унёс. Женька натянул на себя старые спортивные брюки, рубашку, свитер. Всё тело болело, кружилась голова, глаза заплыли и превратились в узенькие щёлочки. Вернулся с улицы Андрей, оглядел его распухшее лицо, сочувственно поцокал языком:

— Ну, ницо, ницо, до свадьбы заживёт.

У него не было передних зубов, речь получалась невнятной, шепелявой.

— Это они сейчас озверели. Старшего, Мусу, убили федералы. Ты его сына узе, наверное, видел, его Алик зовут, душевный мальчишка. Я эту семью узе десять лет знаю, хорошая была семья,

забиточная, работающая, но война проклятая всё переломала. Это она из людей зверей делает.

К вечеру братья уехали. Женька с Андреем выгнали на улицу коз, вычистили и убрали навоз. Голова кружилась и болела, Женька чувствовал подступающую тошноту. Но он был жив, события последних суток его совершенно измотали, и он не знал, хорошо это или плохо, что судьба пощадила его. Вечером он отдал папиросу с анашой Андрею, сам курить отказался. В его посёлке пили водку, но к «отраве» большинство сверстников относилось отрицательно. В роте большинство солдат за анашу готовы были отдать патроны или сухпай, Женька и сам пару раз пробовал курить, но не понравилось, так и не привык.

Маленький Алик принёс банку молока и хлеб. Накурившись, Андрей сделался болтлив, счастливо улыбался, показывая беззубые дёсны, хохотал. Женька заметил, что у мальчика на сапоге порвалась застёжка-молния. Попросил его разуться, вддел толстую нитку в иголку и аккуратно зашил порванный шов. Мальчик притопнул ногой и убежал.

Спал Женька плохо, просыпаясь, видел в окно оранжевую луну и скачущие вокруг неё звёзды. Андрей храпел на продавленном диване, но только Женька подошёл к двери, чтобы выйти во двор по нужде, как храп прекратился и раздался голос:

— Ты куда?

Женька ответил, храп возобновился. На улице было холодно, изредка взлаивали собаки. Женька прикрыл глаза и представил родной посёлок. Так же лаяли собаки, так же светили звёзды, только меньше снега, да не такая густая тишина. Здесь она была вязкая, тревожная, как в тёмном подвале, не знаешь, где и обо что споткнёшься.

Заскрипела дверь, белея нижним бельём, показался Андрей, зевнул, помочился в снег. Тут же, носками ботинок закидал снегом, жёлтую лужу.

— Ты, парень, не презивай, самое главное, что остался живой. Это из могилы выхода нет, а из тюрьмы — всегда есть. Бог даст, всё образуется. Мысли вредные гони от себя, бежать отсюда бесполезно, горы кругом. Догонят с собаками, замучают, так что терпи. Господь укажет выход, пошли лучше спать.

Так для Женьки Найденова началась жизнь в семье Усмановых.

Рано утром он и Андрей просыпались, пили чай с хлебом, кормили скотину, носили воду, кололи дрова.

Женька убирался в доме, мыл полы, делал всю работу в доме. С Ахмедом и женщинами он почти не разговаривал, сторонился. Среди дня или вечером, в комнату, где они жили с Андреем, прибежал Алик, приносил поломанные игрушки.

Женька их ремонтировал, разговаривал с мальчишкой, рассказывал ему всякие истории из своего детства, оттаивая душой, смеялся. Как-то поехали в лес за дровами. Женька присмотрел подходящую ветку, спилил её, захватил с собой. Сосед Юнус, с автоматом сопровождающий их в лес, покосился, спросил:

— Зачем тебе эта палка?

Женька ответил, что будет вырезать деревянные ложки. Вернувшись домой, он срезал сучки, натянул тетиву, обмотал изолентой. Алик, когда увидел, обомлел:

— Ты это сделал мне, Женя?

Тот утвердительно кивнул головой. Мальчик весь день пропадал на улице, стрелял из лука в птиц, валяющиеся банки. Вечером принёс молоко, домашние лепёшки. Тихо сидел рядом, никуда не торопился. Женька сидел устола, ремонтировал старые ботинки, которые притащил Андрей, старая обувь совсем прохудилась.

Солнце клонилось к закату. В комнате темнело. Заработал движок генератора. Женька вспомнил, как в детстве увлекался приключениями, начал рассказывать про Робинзона, как он попал на необитаемый остров, как встретил Пятницу. Многое из прочитанного он уже не помнил, приходилось напрягать фантазию, выдумывать. Мальчик слушал, затаив дыхание, глаза его

блестели. Рассказав историю о знаменитом скитальце, Женька, видя неподдельный интерес мальчика, стал рассказывать о трёх мушкетёрах. Только он дошёл до момента дуэли Д'Артаньяна с мушкетёрами Атосом, Портосом и Арамисом, пришла Марьям, мать Алика. Женька вначале смешался, потом оправился от смущения, продолжил свой рассказ. Увлёкшись, он даже вскочил из-за стола и шилом, как шпагой нанёс несколько уколов воображаемым гвардейцам кардинала. Алик смеялся, Марьям тоже заулыбалась, потом взяла сына за руку, сказала:

— Поздно уже, тебя ждёт дедушка, вы должны читать коран.

Через две недели в аул привезли тело одного из сыновей Усмановых, Аслана. Во время нападения на милицейский блок-пост пулемётная очередь разворотила ему грудь и живот. Разорванные, окровавленные кишки вывалились на землю, и, пытаясь хоть как-то уменьшить рвущую тело боль, Аслан всё подтягивал и подтягивал к животу колени. Он был уже без сознания, но тело ещё реагировало на боль и хотело жить. Его так и привезли домой, в окровавленном, разорванном камуфляже и с окоченевшими, подтянутыми к животу коленями. Его завернули в серое клетчатое одеяло, такие, раздавали в лагере беженцев, в Ингушетии. В доме стоял женский плач и вой. В

коморку прибежал Алик, запыхавшись, что-то сказал по-чеченски Андрею, потом повернувшись к Женьке, бросил:

— Пошли со мной, меня послала мама, тебя надо спрятать.

Через лес они пробрались в развалины старой крепости. Алик вытащил из кармана ключ, снял замок с двери подвала, махнул рукой:

— Полезай туда и сиди тихо, а то тебя убьют. Мама сказала, что поговорит с дедушкой. Я принесу тебе ночью поесть.

Похороны Аслана Усманова прошли в соответствии с традициями. Во главе траурной процессии шли старики. На их головах были каракулевые папахи с зелёными и белыми лентами. Двигавшиеся вслед за ними мужчины на плечах несли носилки с завёрнутым в бурку телом Аслана. За носилками шли остальные, молодёжь, подростки. Женщин не было.

Мужчины выкопали могилу, положили покойника лицом в сторону Мекки. По мусульманскому обычаю, тело не обмывали и не переодевали. Окровавленная одежда должна была послужить доказательством перед Аллахом, что он погиб в борьбе за веру. Над могилой установили длинную металлическую трубу. Зарезали быка, в соседние дворы раздали сааг, поминальное мясо, подаяние. Три дня, пока длился поминальный зикр,

Женька просидел в подвале. Несколько раз прибежал Алик, сбросил вниз телогрейку, подал узелок с едой — мясо, молоко, лепёшки. Честно говоря, все эти дни Женьке было не до еды, время остановилось. Лёжа в темноте, он думал об одном и том же: «Убьют, не убьют? Убьют, не убьют?» Можно, конечно, было попытаться выломать замок, но что толку? Куда идти? Догонят, тогда уж точно смерть.

Через три дня пришёл Андрей, откинул крышку, крикнул:

— Вылезай, узник, швобода.

Женька вернулся в дом Усмановых, жизнь пошла прежней чередой. Ахмед по-прежнему с ним не разговаривал, при встрече отворачивался, хмурил брови. Женька освоился, стал чувствовать себя свободнее. Чтобы в голову не лезли дурные мысли и не сжирала тоска, старался занимать себя работой: косил траву, возил сено, ремонтировал забор, починил крышу на сарае, ухаживал за скотиной. Жизнь на свежем воздухе, сытная еда и физическая работа укрепили его тело, он вроде даже стал выше ростом. Несколько раз он ловил на себе взгляд Марьям, матери Алика. Взгляд молодой женщины смущал и тревожил. Когда Марьям заходила в их комнатку, ему хотелось поговорить с ней, дотронуться до её кожи. У него никогда не было близости с женщиной, да и целовался всего

два раза в жизни, на школьном вечере с девочкой из соседнего класса Соколовой Ларисой и на собственных проводах в армию с соседкой Томкой. Андрей, наверное, что-то почувствовал, однажды хмыкнул после ухода Марьям и сказал:

— Смотри, солдат, голова у тебя одна. Если Ахмед заметит ваши шуры-муры или что-нибудь заподозрит, то голову твою самолично отрежет. Это тебе не Россия, это Кавказ, здесь свои законы. С Марьям ты поаккуратней, баба молодая, двадцать восемь всего, кровь с молоком, а без мужика уже четвёртый год.

Прошло четыре месяца, наступила весна. Шамиль Усманов оставил свой отряд и на несколько дней приехал домой. Долго приглядывался к Женьке, потом бросил:

— Ну ты и рожу накусал, солдат! Может, пойдёшь ко мне в отряд? Мне как раз ординарец нужен. Стрелять научу, с обидчиками поквитаешься, еще и долларами платить буду. Ислам примешь, на чеченке женим, таких женщин, как у нас, нигде не найдёшь, подумай.

В последний день Шамиль решил спуститься в долину. Долго о чём-то говорил с отцом, потом взял автомат, несколько магазинов с патронами и позвал Женьку:

— Поедешь со мной, хватит бездельничать.

Алик упросил взять его с собой. «Нива» долго